

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ под редакцией и с критико-биографическим
очеркомъ А. М. Скабичевскаго и с приложениемъ портрета Шеллера.
ТОМЪ ПЕРВЫЙ Приложение къ журналу "Нива" за 1904 г. //Издание А. Ф.
МАРКАСА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1904
FB2: "rvvg ", 02 July 2015, version 1.0
UUID: 12819A85-AC08-4176-BB69-7008020EDC46
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Константинович Шеллер- Михайлов

Сила, слабость и неразумие

ШЕЛЛЕР, Александр Константинович, псевдоним — А. Михайлов (30.VII(11.VIII).1838, Петербург — 21.XI(4.XII).1900, там же) — прозаик, поэт. Отец — родом из эстонских крестьян, был театральным оркестрантом, затем придворным служителем. Мать — из обедневшего аристократического рода.

Ш. вошел в историю русской литературы как достаточно скромный в своих идейно-эстетических возможностях труженик-литератор, подвижник-публицист, пользовавшийся тем не менее горячей симпатией и признательностью современного ему массового демократического читателя России. Декларативность, книжность, схематизм, откровенное морализаторство предопределили резкое снижение интереса к романам и повестям Ш. в XX в.

А. К. ШЕЛЛЕР-МИХАЙЛОВ
Сила, слабость и неразумие

Въ одномъ городѣ жила барыня. Звали ее Татьяной Даниловной Слѣпневой. Городишка былъ бѣдный, маленькій, съ конца въ конецъ рукой подать, а барыня была богатая, важная. Веселыхъ, каменныхъ домовъ, что мечутся въ глаза своимъ просторомъ, большими окнами и яркими красками, встрѣчалось въ городишкѣ немного, и то на одной главной Дворянской улицѣ, гдѣ по сторонамъ дорожки для пѣшеходовъ были выложены изъ кирпичей. Тянулись въ немъ безконечные заборы, мѣстами коломъ подпертые, мѣстами совсѣмъ развалившіеся, и торчали между ними, согнувшись на бокъ, словно пришибленные, сѣрыя деревянныя лачуги, въ которыхъ и собакѣ жить было бы не особеннымъ счастьемъ. Перебивались въ этихъ лачугахъ со дня на день, едва сводя концы съ концами, жалкіе, безграмотные мѣщане и обтерханые, изморившіеся чиновники, высматривавшіе, не идетъ ли кто изъ мѣщанъ по дѣлу въ присутственное мѣсто, не несетъ ли имъ завалившася рубля ребятишкамъ на молочишко. Только этими рублями они и жили... Изрѣдка наѣзжали въ городъ

помѣщики изъ ближнихъ деревень съ тяжелыми дѣлами, только какъ они понаѣдутъ, тогда въ городѣ и праздникъ: и у мѣщанъ работа, и у чиновниковъ прибыль и — что грѣхъ таить — въ кабакѣ больше косушекъ выходитъ. Въ другіе же дни съ утра до вечера, бывало, тишина стоитъ въ городѣ, не кипитъ въ немъ бойкая жизнь со своими ловкими шугаями, трудовымъ шумомъ и большими ожиданіями, не снуютъ люди съ веселыми лицами и зоркими глазами въ надеждѣ что-нибудь продать или купить и зашибить крупную прибыль; всѣ, точно мухи въ осеннее время, когда на нихъ холодомъ пахнетъ, едва ползаютъ и, глядя на ихъ вялую поступь, кажется, видишь, какъ не трудъ долготнѣй, не страсти кипучія, а одна нужда-горе налегла на ихъ плечи тяжелою ношею, спутала ихъ ноги и руки сильныя и такъ ихъ умаяла, что хоть въ могилу лечь, такъ и то было бы для нихъ благомъ. Вечеръ настанетъ, еще тише сдѣлается на улицахъ, не гремятъ колеса, не ѣдутъ знакомые другъ къ другу о дѣлахъ общихъ потолковать, посудить о томъ, что на свѣтѣ дѣлается, и рѣшить: такъ ли оно

дѣлается? не нужно ли какихъ перемѣнъ?... Ничего этого нѣтъ въ городѣ; радъ каждый, что въ небѣ стемнѣло, что уснуть можно и хоть нѣсколько часовъ не видать лохмотьевъ и заплатъ своей бѣдности. Беззвучно идетъ ночь, только иногда гдѣ-нибудь собака завоетъ съ голода, а, можетъ-быть, и передъ покойникомъ, — кто ее знаетъ! А кругомъ города тянутся поля кочковатая, бесплодная, мѣняясь: съ топкими болотами, въ сторонѣ лѣсъ неприглядный виднѣется съ кривыми березами, съ приземистыми елками и чернѣется избитая дорога. Не много считалось счастливыхъ людей въ городѣ, которымъ удалось прокатиться по ней до другихъ большихъ городовъ, посмотрѣть на другую жизнь; иные и представить-то себѣ не могли, что такіе же точно люди, какъ и они сами, умѣли устроить для себя другую жизнь... Говорится, что на безлюдьи и Тома дворянинъ, — такимъ-то дворяниномъ была и барыня. И въ церкви она милостыню нищимъ подаетъ, и духовенство въ праздникъ молебенъ отслужить пригласить, и чиновникамъ какою-нибудь бумагу настрочить прикажетъ, и

когда кто-нибудь захвораетъ, да лѣкаря не можетъ позвать, то и идетъ къ барынѣ; у нея тамъ лѣкарства разныя, нальетъ она чего-то пять-шесть капель въ пузырекъ съ водою, — ну, бѣдному человѣку и полегчаетъ. Вотъ за нее весь городъ и молятся, въ церкви ей первое мѣсто, послѣ обѣдни ей первой несѣтъ священникъ просфору; ѣдетъ она по улицѣ — ей всѣ въ поясъ кланяются; даже мимо ея окошекъ идутъ, такъ шапки снимаютъ. Ей и хорошо, и весело и, кажется, калачомъ бы ее не выманить въ богатый и большой городъ изъ этого бѣднаго городишка, на который свѣжему человѣку со стороны смотрѣть было бы тошно, потому что хоть чужое горе и не свое, а все-таки какой ни на-есть человѣкъ счастливый, но если онъ ничего вокругъ себя не видитъ, кромѣ горя, да горя, такъ и у него сердце сожмется и, кажется, бѣжалъ бы онъ безъ оглядки, долго бѣжалъ бы, только бы встрѣтить веселое лицо и услышать звонкій смѣхъ беззаботнаго счастья. Ну, а барыня привыкла, присмотрѣлась къ этому городишку, полюбила его, не скучала. И то сказать: скучать-то ей было некогда. Такимъ, какъ

она, добродѣтельнымъ людямъ и то скуку разгоняетъ и великую радость приносить, что они благодѣтельствовать могутъ, а у нея, кромѣ того, и своихъ заботъ было много.

Мѣщане и чиновники отъ бездѣлья пропадали, а барынѣ своихъ двухъ рукъ иногда на дѣло недоставало. Въ праздникъ утромъ спѣшитъ она обѣдъ заказать, чтобы принять старшихъ изъ чиновниковъ, да угостить кого-либо изъ монашествующихъ лицъ, странниковъ или юродивыхъ, потомъ къ обѣднѣ ѣдетъ, почетомъ пользуется, тамъ обѣдомъ распоряжается, гостей разсаживаетъ, вечеромъ въ карты поиграетъ, рассказовъ о Святой Землѣ и разныхъ обитателяхъ послушаетъ, а сама уже думаетъ, что завтра надо начать ягоды чистить, варенье варить, капусту рубить или огурцы солить. Подойдетъ поздняя осень, — барыня съ приказчикомъ изъ деревни возится, провѣряетъ его, оброки считаетъ. Около Рождества смотритъ, хороши ли въ деревнѣ холсты выткали бабы, много ли къ полотенцамъ кружевъ деревенскихъ наплели, жирныхъ ли гусей накололи. Сама все смотритъ, все провѣряетъ, въ головѣ же вертятся

мысли о томъ, что бы такое сдѣлать съ дряннымъ мужичонкой Ѳомкой, за которымъ каждый годъ недоимки? Пишетъ она письмо къ одному изъ старшихъ чиновниковъ, зоветъ его на совѣтъ.

— Такъ и такъ, — объясняетъ ему:— житья мнѣ нѣтъ отъ этого дрянного мужичонки Ѳомки, въ гробъ онъ меня сведетъ, каналья!

— Ну, стоитъ ли, матушка, вамъ изъ-за него себя убивать? — утѣшаетъ ее чиновникъ. — Вотъ рекрутчина будетъ, такъ мы ему лобъ забреемъ, чтобы и онъ, и другіе знали, каково свою барыню, мать родную, не слушать.

— А я вамъ гусей отобрала, — молвить барыня. — Хорошіе нынче гуси.

— Много вамъ обязанъ, благодѣтельница наша, — цѣлуетъ ручку у барыни чиновникъ. — Хотѣла жена васъ еще одной просьбицей утруждать, да у меня и языкъ не поворачивается, такъ много вы насъ одолжаете.

— Говорите, что такое?

— Право, совѣстно мнѣ...

— Ну, вотъ еще! Могу — сдѣлаю, не могу — такъ на нѣтъ и суда нѣтъ.

— Такъ-то оно такъ, только пусть ужъ лучше жена сама скажетъ.

— Экой несговорчивый!

— Ей-Богу, совѣстно!

— Что это вы первый день, что ли, меня знаете. Дура я развѣ, что не понимаю, какво моимъ ближнимъ-то жить, или я пересмѣшница какая, что надъ чужой нуждой насмѣюсь?

— Да будь я звѣрь безчувственный, такъ и то не надумалъ бы этого, матушка, дѣла ваши святые видя.

— Такъ и говорите!

— Охъ; ужъ куда ни шло! Бѣльецо, вотъ видите ли, у ребятишекъ обносилось, тряпье-тряпьемъ стало, узлами связываетъ, а достатки наши...

— Э, — перебиваетъ барыня:— холста, вѣрно, надо? Такъ бы и сказали! Вотъ я завтра разберусь, такъ съ Петрушкой пришлю къ вамъ.

Глядишь, на другой день Петрушка кряхтитъ, еле тащится съ холстами къ чиновнику. Впрочемъ, и годы-то Петрушки были не малые, за седьмой десятокъ перевалило. Вообще

не любила барыня молодыхъ вертопраховъ. Всѣ ея слуги, и Анютка-ключница, и Глашка-кухарка, и Оля-горничная, и Матюшка-кучеръ больше пятидесяти лѣтъ на свѣтъ прожили. Да и не только что въ прислугѣ, а и въ знакомыхъ не любила барыня этой глупой молодежи, потому что ужъ какой ни родись человекъ хорошій, а въ молодые годы все-таки у него вѣтеръ въ головѣ ходитъ. «Всѣ они богоотступники!» говорила барыня про молодыхъ, и, бывало, такъ и возрадуется, если надъ ними какое-нибудь несчастіе стряется. «Это, говоритъ, — испытанье, это ихъ гордыню сломить, пусть горе узнаютъ, тогда и на путь истинный возвратятся!» И не пустая это злоба была, не дьявольское наущеніе, вотъ какъ у иного молокососа на старыхъ злоба бываетъ, а горькое чувство, купленное долгими годами и тяжелымъ опытомъ.

Были у барыни два сына. Еще они едва говорить умѣли, когда она стала о нихъ неусыпно заботиться, чтобы ихъ въ казенное училище пристроить, ъздила она и въ Москву, и въ Петербургъ по этому дѣлу, хотъ и горько было материнскому сердцу дѣтей однихъ на чужія

руки оставлять; только одно ее и утѣшало, что это для нихъ же въ пользу. «Не приходится мнѣ капиталъ на ихъ ученье тратить, — думала она. — Что имъ за радость будетъ, если учеными голяками вырастутъ? Потомъ, пожалуй, и службы не найдутъ, а тутъ будетъ имъ и мѣсто готовое, и деньги на черный день останутся». Отдала она ихъ — когда одному пошелъ девятый, а другому десятый годъ — въ ученье, далеко отдала, за тысячу верстъ отдала. «Вѣруйте въ Бога, — сказала, она имъ на прощаньи:— уважайте старшихъ, учитесь хорошо и будете счастливы». Дѣти уѣхали, стали учиться, барыня стала попрежнему хозяйничать, имѣніе устраивать, больныхъ лѣчить, въ церковь ходить. Бывало, кладетъ земной поклонъ и думаетъ: «Это за дѣтей!» Привезутъ ей изъ деревни холстовъ:— «Это дѣтямъ!» говоритъ она, отбирая въ кладовую лучшіе куски. Начнетъ тяжбу съ сосѣдомъ, выиграетъ прибавку къ своей землѣ,— пишетъ дѣтямъ: «Вы у меня богатые будете, я вамъ еще землицы пріобрѣла». Материнское-то сердце заботливо, вездѣ его любовь скажется, только дѣти-то ее плохо чув-

ствують. Что хлопотъ было у барыни, когда подошло время ея сыновьямъ въ офицеры выходить! И комнаты она для нихъ приготовляетъ, и дѣвушекъ заставляеть бѣлье шить, и ночью вскакиваетъ въ окно поглядѣть, какъ услышитъ, что мимо дома бубенцы прозвонятъ... Пріѣхали сыновья. Старшій — коренастый такой, приземистый, съ суровыми бровями, исподлобья смотритъ, неразговорчивый. Меньшой — худенькій, на боль въ спинѣ жалуется, а ничего — веселый. Мать ихъ цѣлуетъ, не наглядится на нихъ, вареньями угощаетъ, но видитъ, что нѣтъ въ дѣтяхъ особенной ласки и точно они въ чужой домъ пріѣхали, дичатся, а все-таки по материнской добротѣ своей думаетъ: «это они съ дороги устали!» Время въ разговорахъ скоро летитъ; съ десяти часовъ, когда они пріѣхали, просидѣла семья до двухъ ночи. Сыновья спать пошли, а барынѣ не до сна. Стала она обѣдъ къ слѣдующему дню заказывать, отбирать лучшую птицу къ жаркому, хлопочеть, бѣгаетъ, а тутъ и заря стала заниматься... Пошла барыня сыновей будить, чтобы къ обѣднѣ ѣхать.

— Я усталъ, — промолвилъ старшій сынъ:— мнѣ отдохнуть хочется...

— Послѣ отдохнешь, — отвѣтила мать:— а теперь долгъ христіанскій исполнить надо.

— Да, что же это за молитва будетъ, если я буду стоять я думать, какъ бы уйти поскорѣе?

— Ну, ужъ ты мнѣ этихъ рѣчей не говори, это тебя демонъ смущаетъ.

— Какой демонъ! просто здравый разсудокъ говорить.

— Вотъ, онъ-то и есть демонъ... Да я и толковать объ этихъ вещахъ съ тобой не стану, молодъ ты для этого, а состаришься, такъ и самъ поймешь то, что я теперь понимаю. Поѣдемъ.

Поѣхали. Послѣ обѣдни на дому подобень отслужили, позвала барыня всѣхъ знакомыхъ чиновниковъ къ обѣду, духовенство, случились тутъ двѣ странницы и одинъ юродивый. Всѣмъ-то барыня на радости хочетъ своихъ сыновей показать, похвастать ими... Старшій сынъ молчитъ, хмурится, если же и скажетъ какое слово, такъ точно ножомъ по тарелкѣ проведетъ. Услыхаль онъ, что о нуж-

дахъ чиновниковъ жалѣть стали, и говорить:

— Ну, такъ не служили бы, если жалованья мало; развѣ ихъ держать?

— А чѣмъ же жить-то тогда они будутъ? — спросили его.

— Пусть дѣло какое-нибудь дѣлають.

— Какое же?

— Мало ли дѣлъ? Пусть сапоги тачають, платье шьють, дѣтей учать, торговлей занимаются или частныхъ мѣстъ ищуть.

— Да развѣ они чему-нибудь обучались? Кто имъ частное мѣсто дастъ?

— Ну, а не обучались, частныхъ мѣстъ достать не могутъ, такъ пусть и не жалуются. У мужика еще меньше достатки, а онъ еще и оброки господамъ платить.

— Такъ онъ мужикъ.

— Э, всѣ мужики, кто себя въ дворяне произвести не можетъ.

— Полно ты мужика-то жалѣть, — обидѣлась мать на неразумныя рѣчи. — Молодъ ты, не видалъ еще мужика, а былъ бы умнѣе и посмотрѣлъ бы на него, такъ и не то бы запѣлъ. Пьяница мужикъ!

— Что жъ мужику и дѣлать въ свободное

время, какъ не пить? Мы, грамотные, газеты и книжки читаемъ, у насъ есть чѣмъ заняться и о чемъ поговорить. А о чемъ онъ говорить станетъ? О своемъ житьѣ-бытьѣ? Такъ онъ не дуракъ, изъ этого пользы никакой не видитъ, горе же и безъ разговоровъ о немъ надоѣло. Нашъ братъ насидится за писаніемъ бумагъ, такъ и поплясать радъ, а трезвому мужику плясать не подъ силу, онъ за плугомъ довольно по полю находился. Вотъ вы бы придумали, что ему дѣлать во время отдыха?

— Такъ, по-твоему, онъ и хорошо дѣлаетъ, что пьетъ.

— Не хорошо, а все-таки другого выхода нѣтъ. Да что вы мужика за пьянство ругаете? Прочли бы, сколько дорогихъ винъ въ городахъ выходитъ, тогда бы и увидали, что не онъ одинъ пьетъ. Пьютъ и тѣ, кому нужды въ питьѣ нѣтъ.

— Не приходится мнѣ читать эти глупости, и ты-то глупо дѣлалъ, что книгъ зачитался. Умъ за разумъ у тебя отъ нихъ зашелъ!

Съли объѣдать. Меньшой сынъ сталъ подшучивать за объѣдомъ надъ странницами, виномъ ихъ потчуетъ, заставляетъ про Іеруса-

лимъ разсказывать, да, смѣясь, говорить, что онъ все это врутъ. Откушали супъ, на грѣхъ юродивый, по своей глупости, и плюнулъ на тарелку; обтеръ ее салфеткой и хотѣлъ говядины взять.

— Свинья! — крикнулъ старшій сынъ. — Убирайся изъ-за стола!

— Что ты это, Вася? — сказала мать. — Онъ Божій человѣкъ; не стыдно ли притѣснять слабыхъ!

— Онъ свинья, а не Божій человѣкъ. Я ѣсть теперь не могу. Почему я знаю, что онъ не плевалъ и на эту тарелку, что мнѣ подана? — сказалъ суровый сынъ и вышелъ изъ-за стола.

— Вѣрно, ѣсть не очень хочется, — вспылила барыня: — такъ и дуришь!

Гости всполошились-было. Юродивый началъ хныкать, хотѣлъ уйти изъ комнаты, но барыня сказала ему:

— Сиди, Митя!

— Что-жъ онъ лаетъ? Онъ Митю прибьетъ?

— Не прибьетъ!

— Ой ли? Мать за Митю заступится? А? А?

онъ и мать прибѣтъ?

— Ну, это посмотримъ еще, — нахмурилась барыня.

Кольнуло ее въ самое сердце простое слово неразумнаго челоуѣка.

Прошелъ обѣдъ. Начали гости разговаривать между собою, другіе за карты сѣли, третьи меньшого сына про столицу спрашивать начали, да все какъ-то не клеилось, каждому будто что-то мѣшало. Мѣшало то, что главнаго гостя въ комнату не было. Вотъ такъ-то иногда можетъ челоуѣкъ мѣшать людямъ даже и тѣмъ, что его нѣтъ между ними! Кончился день; никого онъ не веселилъ, только одинъ меньшой сынъ и смѣялся, точно онъ и не замѣтилъ, что такое случилось. Хорошо жить на свѣтѣ такимъ веселымъ людямъ, и смотрѣть на нихъ отрадно... На другое утро пришелъ меньшой сынъ къ матери, сталъ чай пить. Видитъ мать, что ему какъ-то неловко и не смѣется онъ, какъ смѣялся все время съ самага пріѣзда.

— Гдѣ Василій? — спросила она.

— Онъ вещи собираетъ.

— Какія вещи?

— Свои, ѣхать въ полкъ хочеть.

— Что онъ — съ ума сошелъ? Кто ему позволить?

— Вы его не знаете! — промолвилъ меньшой сынъ, боязливо озираясь, будто боясь, что братъ услышитъ его слова.

— Вотъ мило! Своего-то сына не знаю! Да кто же его на свѣтъ родиль, чье молоко онъ сосаль? И ты-то глупишь тоже. Пустыя рѣчи говорить научился!

Прошло минутъ десять. Вошелъ сынъ Василій, совсѣмъ готовый къ отъѣзду.

— Прощайте, матушка, — промолвилъ онъ ровнымъ и покойнымъ голосомъ, какъ будто онъ гулять на пять минутъ шель.

— Куда ты?

— Въ полкъ.

— Глупости, оставайся! Что ты меня срамить на весь городъ вздумалъ? Третьяго дня пріѣхалъ, а сегодня уѣзжаешь. Что посторонніе-то скажутъ?

— Довольно минуту съ людьми побыть, чтобы узнать, можно ли съ ними вѣкъ прожить.

— Ну, такъ что же?

— Ну, я и узналъ, что я съ вами не могу жить, а ссориться и съ чужими не хочу, съ матерью же и еще того меньше.

— Да развѣ смѣетъ сынъ съ матерью ссориться? Въ умѣ ли ты? Ты, вѣрно, въ дорогѣ горячку схватилъ? Я тебя полѣчу.

— Что намъ изъ пустого въ порожнее переливать. Я ѣду — вотъ и все. Вы для меня своей жизни не перемѣните, а я для васъ своей не перемѣню.

— Ужъ я думаю, что не подѣ лѣта мнѣ перемѣнять жизнь. Я къ ней въ пятьдесятъ-то лѣтъ привыкла, а ты въ двадцать два года не очень привыкъ и могъ бы перемѣняться.

— Такъ-то оно такъ, но если вы перемѣните свою жизнь, то помучитесь съ новой лѣтъ двадцать, а если я вздумаю перемѣнить свою, такъ, пожалуй, и пятьдесятъ придется мучиться. Значитъ, мнѣ меньше выгодъ къ перемѣнѣ, чѣмъ вамъ.

— Да какъ ты смѣешь разсуждать? Оставайся, я тебѣ приказываю, вотъ и весь сказъ!

— Вы сами не знаете, что говорите. Я не за позволеніемъ сюда пришелъ. Позволеніе я только у своего разсудка прошу. Я просто

хотѣлъ сказать, что я ѣду, проститься хотѣлъ.

— Нечего и прощаться, потому что ты не поѣдешь. Ступай, раздѣнься и приходи чай пить. Только время у меня отнял своею дурью, вонъ и самоваръ заглохъ.

Сынъ покойно пожалъ плечами и вышелъ своей ровной и твердой поступью, изъ комнаты. Черезъ четверть часа къ дому подѣхалъ ямщикъ. Барыня подошла къ окну, глядитъ: сынъ уложилъ чемоданъ въ телѣгу, поправилъ и приловчилъ подушку для сидѣнья, сѣлъ и попробовалъ, плотно ли фуражка надѣта, ямщикъ подобралъ вожжи, тряхнулъ головой и свистнулъ...

— Стой! — не своимъ голосомъ крикнула барыня, такъ что окна задрожали, и въ то же время, какъ застучали лошадиныя подковы и телѣжныя колеса, въ комнатѣ раздался тяжелый звукъ отъ упавшаго человѣческаго тѣла. Меньшой сынъ обернулся, глядитъ: его мать лежитъ на полу... Говорять, что Татьяна Даниловна никогда до этого доя не падала въ обморокъ...

— Ты только одинъ у меня, ненаглядный, остался, — говорила барыня меньшому сыну,

когда ее привели нъ чувство. — Вотъ ты такой веселый, а въ томъ словно дьяволъ поселился, наложилъ на него печать свою страшную. Смотрѣла я на него: онъ мое сердце разрывалъ на-двое, а у самого ни одна жилка не дрогнула! И отчего это у одной матери дѣти разныя вышли? Объ обоихъ я поровну заботилась, за обоихъ поровну молилась?

— Эхъ, — промолвилъ меньшей сынъ: — не тужите о немъ! Его и въ корпусъ волчонкомъ звали. Ни друзей, ни пріятелей у него не было; сидѣлъ онъ съ своими книгами, да къ одному господину въ гости ходилъ. Тотъ только всѣмъ и твердилъ: «А не кланяйтесь никому — люди равны; не нужно другихъ тяготить собою и не нужно, чтобы насъ другіе тяготили»...

— Проклятыя книги и всѣ эти вольнодумцы. Да будетъ надъ ними мое проклятіе! — говорила барыня. — Губятъ они міръ и доведутъ до того, что людямъ жить нельзя будетъ, что братъ на брата возстанетъ и сынъ на отца... Тебѣ-то, Ваня, я думаю, тяжело такого брата имѣть!

— Что мнѣ онъ! Онъ меня не любилъ нико-

гда, вѣчно ругаль, что я весель, что у меня на душѣ свѣтло. «Ты, говоритъ, смѣешься тамъ, гдѣ плакать нужно. Это не смѣшно, что люди заблуждаются и гадости дѣлають, это должно здоровье наше губить, жизнь нашу отравлять...» А какая мнѣ прибыль изъ-за другихъ себя убивать?

— О себѣ-то убивался бы онъ, а ужъ другихъ-то оставилъ бы въ покоѣ. Заблуждаются! Понимаетъ онъ, молокососъ, что такое заблужденіе значить.

Зажилъ меньшей сынъ со своею матерью; понялъ онъ, какъ хорошо дѣтямъ подъ крыломъ матери въ родномъ гнѣздѣ жить. Бывало, спить до одиннадцати часовъ, всѣ въ домѣ на цыпочкахъ ходять. Въ одиннадцать часовъ придетъ Петрушка будить барина, а тотъ лежитъ и не спить, смотрить, какъ Божій день свѣтитъ въ его горенку, по полу лучами играетъ, его, какъ ребенка, грѣть. Нѣжить баринъ свое молодое тѣло, лежитъ, разбросавшись на постели, подложивъ руки подъ курчавую голову, раскрывъ алыя губы; простыни въ ноги сбиты.

— Что, Петрушка, есть у насъ въ деревнѣ

хорошія бабенки? — спрашиваетъ онъ, не поднимая головы.

— Какъ не быть, батюшка, Иванъ Петрови-чъ! Этого добра вездѣ много.

— И бѣлыя, грудастыя такія есть?

— Есть, батюшка, и такія. Всякія есть.

— Вотъ тамъ бы пожить!

— Къ кофею васъ, баринъ, ждутъ.

— Эхъ, не кофей мнѣ теперь нуженъ! — го-воритъ баринъ. — Ну, а, впрочемъ, если зо-вуть, такъ и кофею выпьемъ. Натяни на меня носки.

Натягиваетъ Петрушка носочки на бѣлыя, молодыя барскія ножки.

— Дай другую рубашку, — приказываетъ баринъ, снимая ночную сорочку. Петрушка держитъ передъ нимъ рубашку. — Видишь, грудь какая бѣлая? — любитъ своею бѣлою грудью молодой баринъ. — Вотъ къ ней бы прижать красную дѣвицу.

— Охъ, вы, шутникъ, ей-Богу! — говоритъ Петрушка, надѣвая на барина сорочку, и си-лится застегнуть ему пуговицы старыми и неловкими руками.

— Убирайся къ чорту, свинья! Ничего не

умѣешь ты сдѣлать! Руку ущипнулъ своими ногтями, — сердится баринъ. — Видишь, руки-то у тебя точно желѣзныя!

— Съ работы, батюшка, съ работы.

— Ну, рассказывай сказки! Давай мыться!

Плещется, моется, весь полъ ульетъ водою, только подтирай послѣ него, и весело ему освѣжить ключевою водою свое горячее лицо. Натянетъ на него Петрушка сапоги, панталоны и остальную одежду; поругаетъ онъ неумѣлаго олуха Петрушку, потѣшитъ себя и пойдетъ кофей пить. Мать не нарадуется, слыша его молодой голосъ и смѣхъ звонкій. Кажется, птица въ весеннее время, и та не бываетъ такъ весела, какъ весель молодой баринъ, Иванъ Петровичъ. Только иногда доставалось ему отъ матери, что онъ странницъ дразнить и въ церковь рѣдко ходитъ. И то не сильно журила его за это мать, зная, что у него спинныя кости болятъ и отъ долгаго стоянія точно кто плечи давитъ и давитъ. Болѣзнь такая есть, съ чего она начинается, не знаю... Только и этого счастья было ему мало, поѣхалъ онъ деревню осмотрѣть. Живетъ тамъ недѣлю, двѣ. Барыня спрашиваетъ у

приказчика, что ея сынъ дѣлаеть.

— Да что, матушка-барыня, сказать-то боюсь!

— Говори, что такое? Захвораль онъ, что ли?

— Нѣтъ-съ, слава Богу, здоровы...

— Такъ что же?

— Мужики очень ропщутъ...

— Съ чего имъ роптать, взбѣсились они?

— Бабамъ, говорятъ, проходу нѣтъ.

— О, дуракъ! — разсердилась барыня. — Я думала, и Богъ знаетъ что такое! Извѣстно, молодой человекъ, кровь не родилась.

Между тѣмъ задумалась она. Видитъ, что, и въ самомъ дѣлѣ, сына женить надо. Выписала его изъ деревни, потолковала съ нимъ и отправила его въ полкъ.

— Тамъ городъ большой, — сказала она ему: — можетъ-быть, ты и судьбу свою найдешь.

Поѣхалъ сынъ. Годъ прошелъ — сынъ денегъ проситъ. Послала мать денегъ. Другой годъ прошелъ — сынъ опять денегъ проситъ. Опять мать послала. На третій проситъ сынъ двѣ тысячи и пишетъ, что его въ тюрьму мо-

гутъ посадить и изъ службы выгнать, если ему не пришлютъ денегъ. Послала мать денегъ и пожурила его не на шутку. Вдругъ получаетъ письмо, что сынъ женится на бѣдной дѣвушкѣ, изъ института она вышла, поетъ хорошо и собой красавица. «За тебя съ приданнымъ дѣвушку отдадутъ, — написала мать сыну, — а не только что такая голь выйдетъ. Любовь — глупость, вы не любовью, а деньгами жить будете. Что тебѣ въ ея пѣсняхъ и въ красотѣ? Красотой не торговать, а пѣснями хлѣба не добудешь. Я не желаю этого брака». Ну, а сынъ, не дождавшись этого письма, и женился. Горько поразило мать это извѣстіе. Перестала она сыну писать. «Онъ меня, старуху, не послушался, такъ и я могу его, молодого, не слушать, когда онъ меня о чемъ-нибудь просить станетъ», говорила она. Слышала она, что онъ бьется съ женою въ нуждѣ, что у нихъ сынишка родился, и все-таки не написала имъ ни одного слова. «Пусть узнаютъ горе, — говорила она: — а потомъ и счастье слаще будетъ. Погибнуть имъ я не дамъ. Они думаютъ, мнѣ легко было сберечь капиталъ?» Случись же такое несчастіе, что сынъ въ это

время умеръ. Мать и не думала, что она переживетъ это горе, такъ ей было тяжело, такъ горячо она сына родного любила. Чужіе люди, гляди на ея горе, плакали. Пожертвовала она денегъ на поминаеніе его души въ монастырь и выписала невѣстку съ внукомъ. Пріѣхала невѣстка, барыня такъ и ахнула.

— Да неужели ему пять лѣтъ? — всплеснула она руками, глядя на ребенка. — У насъ двухгодовалые больше. Впрочемъ, чему и удивляться: у васъ у самихъ въ чемъ душа держится!

Въ самомъ дѣлѣ, невѣстка была маленькая, слабая, каждая жилка у ней видна, точно она изъ сахару сдѣлала.

— Я бы васъ и не выписала, — сказала барыня. — Мнѣ внукъ былъ нуженъ, я его при себѣ воспитывать хочу, онъ мой наследникъ; да только мнѣ не хотѣлось мать съ сыномъ разлучить.

Невѣстка заплакала.

— Что вы, ребенокъ, что ли, что плачете? Это дѣтямъ позволительно. Ну, поди сюда, по-здоровайся со мною, — сказала барыня, глядя на внука и съ сожалѣніемъ качая головой.

Сердце у ней сжималось отъ его тщедушности.

— Онъ боится чужихъ людей, — промолвила невѣстка.

— Пусть боится чужихъ, — усмѣхнулась барыня:— а я-то ему не чужая. Иди сюда!

Ребенокъ не шелъ.

— Видно, въ дядю волчонкомъ родился, — разсердилась барыня. — Ну, да мы тебя исправимъ.

Невѣсткѣ отвели одну комнату, внуку другую. Пришло время завтрака. Татьяна Даниловна сѣла, указала на мѣсто невѣсткѣ. Та хотѣла подвинуть стулъ для своего сына, но барыня не позволила ей сдѣлать это.

— Погодите, — сказала она. — Вы избаловали мальчика, а мнѣ приходится исправлять.

Начали ѣсть. Ребенокъ сталъ просить кушать. Мать хотѣла дать ему ѣды, но барыня остановила ее.

— Подойди ко мнѣ, такъ я дамъ, — сказала она.

Ребенокъ не подошелъ и сталъ плакать.

— Я не могу ѣсть! — воскликнула въ

волненіи невѣстка.

— Глупости! Ышите. Я не такихъ капризныхъ выучивала. Или вы хотите на свою шею негодяя вырастить? Гдѣ у васъ любовь-то материнская? Молоды вы, какъ я на васъ погляжу, вамъ бы въ куклы играть, а не замужъ выходить, не дѣтей воспитывать. Погубить родное дѣтище хотите баловствомъ. Стыдитесь!

Кончился завтракъ. Убрали кушанье. Прошло съ часъ времени. Ребенокъ запросилъ кушать. Барыня показала ему ѣду.

— Подойди ко мнѣ, такъ я тебѣ дамъ кушать.

Ребенокъ тихо, понутивъ голову, подошелъ.

— Вотъ тебѣ кусочекъ булочки.

Ребенокъ съѣлъ и попросилъ еще.

— Поцѣлуй меня, я тебѣ дамъ булочки съ говядиной.

Ребенокъ поцѣловалъ барыню.

— Вотъ видите, и сталъ умнѣе, — сказала барыня. — Дитя не игрушка, о немъ заботиться надо, его воспитать надо. Отъ нашихъ заботъ о немъ зависитъ вся его жизнь. Это каж-

дая мать должна помнить.

Такъ пошли дни за днями. Барыня по хозяйству хлопочетъ, невѣстка вышиваетъ рукавички и воротнички себѣ, внукъ играетъ въ своей комнатѣ и сказки старой няньки слушаетъ, такъ какъ барыня не велѣла невѣсткѣ съ сыномъ сидѣть, чтобы онъ не баловался. «Мальчику не подѣ материнской юбкой сидѣть», — говорила она. Находится барыня по дому, нахлопочется, устанетъ и придетъ заглянуть, что невѣстка дѣлаетъ, а та либо, пригорюнившись, въ окно на пустую улицу смотритъ, либо воротнички кисейные вышиваетъ, либо плачетъ надъ портретомъ покойнаго мужа. Тошно сдѣлалось барынѣ смотрѣть на эту слезливую праздность.

— Неужели вы и съ мужемъ-то такую жизнь вели? — спрашиваетъ она. — Да какъ вы ему. не надоѣли? Видно, вы его своимъ бездѣльемъ и въ гробъ свели. Ну, чего ни смотрите по цѣлымъ часамъ на пустую улицу? Дѣло-то развѣ въ это время само сдѣлается? Вы взгляните на меня: я всегда въ работѣ, все въ моихъ рукахъ кипитъ. А за что ваши воротнички годятся? Для кого вы ря-

даться въ нихъ будете? Или ужъ не женихали вы высматриваете? Такъ въ такомъ случаѣ и плакать надъ портретомъ мужа нечего, и въ моемъ домѣ жить стыдно, если ужъ мой сынъ вамъ постылымъ сдѣлался.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Какъ что? Мало развѣ дѣла? Развѣ вы не видите, что я убиваюсь, вожусь и съ приказчикомъ, и съ прислугой, и по хозяйству, и съ больными?

— Если хотите, я буду вамъ помогать.

— Если хотите! Да вы и безъ моего хотѣнья должны бы знать, что я не кухарка ваша, что я не обязана для васъ биться. Это здравый смыслъ говорить. Стыдитесь! Дѣтей нажили, а не понимаете жизни. Чему вы сына-то учить будете? Эхъ, Ольга Васильевна, не стала бы я вамъ этого и говорить, если бы мы не родныя были. Вѣдь жаль мнѣ, что чужіе люди будутъ васъ осуждать. Вотъ, скажугъ, молодая и здоровая женщина заставляетъ за себя старуху бѣгать и заботиться, да еще даромъ.

Слабая невѣстка расплачется и, чѣмъ бы бросить свою лѣнь, она только охаетъ и думаетъ: «хоть бы съ сыномъ раздѣлить горе!» А

какое горе? Въдь живетъ же барыня безъ горя, не напускаетъ на себя слабости и малодушія?

Придетъ ночь, невѣстка на цыпочкахъ въ бѣлой юбкѣ и бѣлой кофтѣ проберется къ своему сыну, сядетъ близъ него и тихо плачетъ, цѣлуя его и обливая горячими слезами. Ребенокъ робко откроетъ глаза и задрожитъ, потомъ натянетъ на себя одѣяльце и лежитъ, не шевелясь, пока на уйдетъ мать. На другой день невѣстка попробуетъ помочь свекрови въ ея хлопотахъ, да неумѣлая она такая; начнетъ счетъ писать — разобрать нельзя, начнетъ холсты разсматривать — дыры проглядитъ и въ счетъ аршинъ спутается, больныхъ лѣчить станетъ — еще того хуже выйдеть.

Разъ пришла къ Татьянѣ Даниловнѣ баба за лѣкарствомъ. Руку она зашибла, думала, что пройдетъ; работать стала, потому что не приходится же, въ самомъ дѣлѣ, какой-нибудь бабѣ съ рукой няньчиться, а рука какъ на грѣхъ начала пухнуть. Баба постнымъ масломъ ее потерла — рука все больше пухнетъ; попробовала баба къ ней тертой моркови приложить — еще хуже, глядитъ — рана

сдѣлалась. Пришлось идти съ барынь-благодѣтельницамъ.

— Посмотрите, что у нея такъ, — сказала барыня невѣсткѣ, когда пришла больная.

Невѣстка вышла къ бабѣ въ переднюю.

— Что у тебя?

— Рука, матушка, рука.

— Что же съ ней такое случилось?

— Охъ, ужъ и не знаю, кормилица. Зашибла.

— Покажи.

Извѣстно, баба глупая, безчувственная, размотала она грязныя тряпицы и показываетъ руку: словно это и не ея рука, а такъ какое-нибудь полѣно.

— Вонъ смотри. Ишь! какъ ее разнесло!

— Господи! — воскликнула Ольга Васильевна, взглянувъ на руку, и залилась слезами, закрывъ лицо рукою.

Баба поглядѣла-поглядѣла и на нее, и на свою руку, и спросила, вздыхая:

— Что дѣлать-то съ ней велишь?

— Ахъ, несчастная, несчастная!.. Я смотрѣть не могу...

— Ничаво, значить пройдетъ? — спросила

баба, поглядывая на руку.

— Не знаю... Нѣтъ... Но я не могу, никакъ не могу...

— Охъ, ужъ ты полѣчи. Работа стоитъ, вишь время-то какое...

— Ну, что у нея? — спросила барыня, возвращаясь въ переднюю.

— Ужасно, ужасно! я видѣть этого не могу. У нея рана.

— Ну, такъ что же, что рана? Обмыли вы ее?

— Нѣтъ.

— Такъ что же вы тутъ стояли съ нею полчаса? Э, да вы, кажется, расплакались! — замѣтила барыня, взглянувъ на лицо невѣстки. — О чемъ это?

— Да это просто ужасно... Страдалица!..

— Страдалица! — усмѣхнулась барыня. — Легче ей, что ли, стало отъ вашихъ причитаній? Уйдите ужъ лучше въ комнату, а то смотрѣть на васъ тошно. Тутъ помощь нужна, а вы хнычете. Вы не ее жалѣете, а просто брезгаете бѣднымъ человѣкомъ, своей блажи потакаете. Подите! Покажи руку, — обратилась барыня къ бабѣ и начала обмывать

рану; баба только вздыхала, поглядывая на руку.

Перевязала барыня руку.

— Ну, ступай теперь. Перемѣняй примочку, а какъ вся выйдетъ, приди опять.

— Теперь полегчаетъ?

— Разумѣется, полегчаетъ. Ты тамъ разной дрянью со пачкала, оттого и распухла.

— То-то. Спасибо. А то вонъ молодуха-то твоя говоритъ, что не полегчаетъ.

— Много она смыслить, полоумная, — разсмѣялась барыня.

— Ишь ты! Я и думаю: съ чего ей не полегчать? А вонъ она говоритъ: не полегчаетъ, — разсуждала баба, качая головой и выходя отъ барыни.

Другой разъ стала невѣстка лѣкарства отпустить — банки перепутала.

— Что это вы, ужъ лучше бы не брались за дѣло. Шили бы свои воротнички. Вы отравите людей-то. Вотъ то-то и есть, что Богу вы худо молитесь, такъ и о людяхъ не думаете. Вамъ ничего отравить ближняго.

— Я, ей-Богу, не хотѣла дурного сдѣлать, — заплакала Ольга Васильевна.

— Не хотѣли, а сдѣлали. Это одно и то же. А все оттого, что вы себя только любите, а о людяхъ не научились заботиться. Вамъ жизнь ближняго ничего не значить. А еще рюмите цѣлыми днями, точно и Богъ-вѣсть какое нѣжное сердце имѣете.

Видить сана невѣстка, что она такая неумѣлая, незаботливая.

— Простите, говоритъ, — меня, я такая глупая, слабая.

— Что прощенье? Изъ него не шубу шить. Этакъ вы убьете человѣка, да прощенья попросите и подумаете, что вы правы? А мы дѣла добрыя дѣлайте! Съ меня примѣръ берите. Я всю жизнь работаю, я васъ кормлю, внука держу. Ваши родители, небось, не взяли васъ.

— Они бѣдны...

— Бѣдны! Что вы нищаетесь! Развѣ можетъ здоровый человѣкъ быть бѣднымъ? Чай, руки-то у него есть? Каждый на хлѣбъ достанетъ. Лѣнивые — вотъ отчего и бѣдные! Этакъ всякому бы нужно было имѣние имѣть, наслѣдство получить, чтобы съ голоду не умереть. Тогда всѣ бы господами были, а кто же

работать-то сталь бы тогда? Ну, вы мнѣ скажите, Ольга Васильевна, кто бы тогда работаль?

Послушаетъ невѣстка умныхъ рѣчей и опять ночью плачетъ надъ сыномъ, убивается, что у нея силы нѣтъ, что она слабая, что сильный не понимаетъ слабаго, а сынъ опять тихо проснется и натянетъ на себя одѣяльце... Шли годы. Росъ мальчикъ. Страдный, чудной онъ былъ такой. Мать любитъ, ласкаетъ ее безъ бабки, а при бабкѣ не подойдетъ къ ней. Скажутъ ему: погуляй въ саду, — онъ погуляетъ. Не бѣжитъ на траву, а по дорожкамъ гуляетъ. Увидитъ цвѣтокъ, — понюхаетъ, а не сорветъ цвѣтка. Запоетъ птица, — онъ остановятся и съ мѣста не сойдетъ, пока, птица не перестанетъ нѣтъ. Ползетъ по дорогѣ букашка, — онъ ее обойдетъ, раздавить боится. По часамъ сидитъ онъ въ темномъ саду надъ прудомъ, глядитъ, какъ ива купаетъ вѣтви въ водѣ, какъ дрожать ея листья отъ вѣтра, какъ изъ пруда какія-нибудь, букашки выскакиваютъ на поверхность воды. Придетъ мать его въ комнату вести, а онъ говоритъ ей таинственнымъ шопотомъ:

— Тише, тише, тише!

Махаесть онъ при этомъ едва замѣтно руками.

— Что такое? — спрашиваетъ мать.

— Вонъ онѣ разговариваютъ!

— Кто онѣ?

— Ивы.

— Полно дружокъ, — скажетъ мать:— ива не умѣетъ говорить. Говорятъ только тотъ, кто думать умѣетъ.

— И она думаетъ.

— Нѣтъ.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Я сама это знаю.

— Ха, ха, ха, — смѣется онъ глупымъ смѣхомъ. — Ничего ты не знаешь. Ива живая, ива воду любитъ, на ивѣ листья растутъ, а ты говоришь, что она не думаетъ!

— Это не она сама по себѣ, это ей Богъ велѣлъ тутъ расти, — затрудняется мать объяснить глупому сыну его заблужденіе.

— И людямъ Богъ велѣлъ на землѣ жить, а люди говорятъ, — задумчиво говоритъ сынъ, качая головой. — Ничего ты не знаешь!

Начали его учить; дьяконъ ходитъ къ

нему. Учится онъ, уроки знаетъ отъ доски до доски; спросятъ его: что ты училъ сегодня? — онъ начнетъ говорить урокъ сначала.

— Да ты скажи, о чемъ это ты училъ? — спросятъ его.

— Не знаю, — отвѣчаетъ онъ.

— Да ты же сейчасъ отвѣчалъ урокъ?

— Отвѣчалъ.

— Ну, о чемъ же ты говорилъ?

— Объ урокѣ.

Такъ, бывало, и махнуть рукою. Упрямство это, должно-быть, было. Вотъ тоже и память у него была странная: прочтуть ему длинную-предлинную исторію — онъ ее всю расскажетъ, ничего не забудетъ, а велятъ имя какое-нибудь коротенькое запомнить — не запомнить. Много ему наказаніе за это упрямство доставалось. Совсѣмъ онъ глупый былъ и на человѣка не похожъ: худой, блѣдный, высокій, съ длинными волосами, съ темными большими глазами. Только и свѣтятся, бывало, они, когда кто-нибудь его матери обидное слово скажетъ. Смолчить онъ, а какъ мать останется съ нимъ одна, онъ и подойдетъ къ ней.

— Ты не плачь, мама, — говорить онъ. — Ко мнѣ ночью приходитъ богиня, бѣлая вся, бѣлая съ темными волосами... Она цѣлуетъ меня и говоритъ мнѣ: «не плачь и матери своей скажи, чтобы она не плакала. Я за вами смотрю, я за всѣми людьми смотрю!» говоритъ онъ это, и глаза блестятъ, какъ огонь блестятъ, точно онъ умный, точно онъ сильный.

— Это не богиня, — рыдаетъ мать:— а я прихожу къ тебѣ.

— Неправда, неправда! — крикнетъ онъ, сверкая глазами. — Зачѣмъ ты ей не вѣришь? Она мнѣ сама говорила. Слышишь — сама, сама говорила!

Мать еще больше расплачется и уже не идетъ къ нему въ слѣдующую ночь, а онъ проснется поутру хмурымъ, еще больше противъ прежняго слабымъ и блѣднымъ и упрекаетъ мать за то, что она разсердила его богиню. Матери станетъ его жалко, и придетъ она къ нему снова ночью. Повеселѣетъ ребенокъ, и силь у него прибавится, и уроки ему легче учить. Такъ-то росъ онъ до одиннадцати лѣтъ, высокій вытянулся, а разума не прибав-

вилось. Часто не спала его мать ночей, мучась думою, что выйдетъ изъ ея неразумнаго сына. А иногда материнское сердце и обманываетъ ее: «Да какой же онъ неразумный? Развѣ онъ дѣлаетъ вредъ кому-нибудь другому или себѣ? Онъ вонъ и комара жалѣтъ убить, когда тотъ надъ нимъ въ лѣтнюю пору носится. Развѣ онъ не такъ же, какъ другіе, пѣтъ, ѣстъ, играетъ и учится? Развѣ не больше въ немъ, чѣмъ въ другихъ, горячей любви? Слабъ онъ тѣломъ, отецъ по своей болѣзни падучею его наградилъ; но развѣ не могучій духъ свѣтится въ его глазахъ, когда онъ чутко замѣчаетъ, какъ обижаютъ его мать? И ты сама, умная, иногда не замѣтила бы обиды, если бы не увидала, что у сына искрятся и блестятъ гнѣвомъ черныя очи...» И обманетъ мать свое сердце и называетъ она сына своего умнымъ, а онъ говоритъ:

— Я не умный! умные злые; я глупый, глупый, слышишь ты, мана: я глупый!

И опять мать заплачетъ, и снова ей тяжело... Пришло время отдать его въ ученье. Отвезли ею въ большой городъ по близости отъ маленькаго городишка. Спрашивали его, что

онъ знаетъ изъ разныхъ наукъ, — отвѣтилъ. И молитвы отвѣтилъ, и священную исторію разскалъ, и задачи разныя рѣшилъ, и написалъ не хуже другихъ.

— О, это прилежный ребенокъ! — говорили учителя.

Приняли его. Сначала надъ нимъ смѣялись бойкіе мальчуганы, досталось на его долю и побоевъ не мало, но онъ ни словомъ не выдалъ, что ему больно, только еще блѣднѣе сдѣлался. Учителя его любили за прилежаніе и жалѣли, видя его неразуміе. Онъ сидѣлъ цѣлыми днями за книгами и, кажется, не жилъ, ожидая только одного: великихъ праздниковъ, когда настанетъ время отъѣзда домой. Каждый праздникъ мать замѣчала, что сынъ сколько ни учится, а умнѣй не становится. Почти не слышно было его рѣчей при бабкѣ, онъ въ это время все книги читалъ; безъ бабки же у ногъ матери сядетъ и сказки ей разсказываетъ про далекіе края, либо говоритъ, какъ тамъ люди живутъ.

— Я поѣду и открою островъ, — говоритъ онъ:— и привезу тебя туда. Мы будемъ тамъ жить, и хорошо жить. Тамъ высокія-высокія

деревья растутъ съ золотыми плодами, вьютъ на нихъ себѣ гнѣзда пестрыя птицы съ яркими перьями и качаются на вѣтвяхъ обезьяны, няньча своихъ дѣтей, перебрасывая орѣхи. Ярко тамъ небо и еще ярче море, сладко оно шумить и холодны его волны. Далеко-далеко идутъ корабли съ людьми, и люди не будутъ знать, что на этомъ островѣ хорошо жить намъ съ тобою на волѣ.

— Другъ мой, полно мечтать! Это ты только воображаешь, этого не можетъ быть! — говоритъ мать.

— Не можетъ быть! Почему не можетъ быть?

— Такъ, — возражаетъ мать, не зная, какъ объяснить сыну правду. — Ты не найдешь такого острова, до него и доѣхать трудно, и жить вдвоемъ намъ нельзя, мы съ голоду умремъ.

— Ха, ха, ха, — звонкимъ и глупымъ смѣхомъ смѣется сынъ. — А ты и забыла про плоды-то на деревьяхъ, ихъ тамъ много, много.

— Нѣтъ, Паня, все-таки это невозможно.

— А что же возможно?

— То вотъ, что ты выйдешь изъ гимназіи, поступишь въ университетъ, гдѣ много студентовъ, выучишься всѣмъ наукамъ и поступишь на службу.

— Не хочу, не хочу! — кричатъ сынъ, топая ногой. — Меня ругать будутъ на службѣ, не хочу, тебѣ жить будетъ нечѣмъ, ты у бабки опять жить будешь.

— Зачѣмъ у нея? Я съ тобой жить буду.

— Неправда, неправда! Мы съ голоду умремъ, какъ ты съ папой умирала съ голоду!

— Ты будешь богатый, тебѣ бабка отдастъ имѣніе.

— Не хочу, не хочу! Я хочу, чтобы бабка одна умерла, съ имѣніемъ умерла, чтобы никто никогда не жилъ у нея, не ходилъ къ ней, не писалъ къ ней, какъ ко мнѣ въ гимназію не ходилъ бы никто, чтобы одна она была, какъ и я одинъ въ гимназіи.

— Ты не одинъ тамъ.

— Одинъ, одинъ, я одинъ!

— Тамъ и другія дѣти...

— Другія и есть другія, а я одинъ! Ты меня дразнишь? Пусть и бабка будетъ одна, пусть къ ней ходятъ чиновники, больные, приказ-

чики, а она пусть все-таки будеть одна. Понимаешь ты, пусть она будеть одна! Чего же ты не понимаешь? — почти плача, воскликнулъ онъ.

— Другъ мой, я этого не могу понять.

— Охъ, ты, Господи! зачѣмъ же ты такая глупая! Пойми ты меня: я говорю, пусть къ ней всѣ ходятъ, весь міръ ходитъ, и пусть она будеть все-таки одна! Ну, поняла ли ты меня?

— Поняла, поняла, Паня! — успокоиваетъ его мать, зная, что за приливомъ слишкомъ сильнаго волненія иногда у него слѣдовалъ припадокъ падучей болѣзни.

Глупый сынъ хлопаетъ въ ладоши и доволенъ понятливостью матери.

Не легко было матери слушать такія рѣчи отъ любимаго сына, а все-таки ей хотѣлось видѣть его каждый праздникъ, и какъ ни тяжела была ей жизнь въ домѣ свекрови, однако жила она, зная, что только въ этомъ домѣ можетъ она увидать сына, побыть съ нимъ нѣсколько дней въ году. Не меньше Ольги Васильевны измучилась и Татьяна Даниловна, стараясь наставить на путь истинный внука. И лаской, и строгостью, всѣмъ пробовала она

его образумить, слѣдила за каждымъ его шагомъ, стыдила при чужихъ людяхъ, но въ немъ даже стыда-то не было. Начнетъ она его стыдить, а онъ стоитъ, блѣдный, опустивъ и склонивъ на бокъ курчавую голову и засунувъ подъ жилетъ руку. Даже не краснѣетъ онъ и, когда кончитъ свои умныя рѣчи бабка, тихо выйдетъ изъ комнаты въ садъ, слушаетъ, какъ птицы поютъ, любитъся, какъ около сада рѣчка катитъ свои свѣтлыя волны, или станетъ купаться, ловко проносясь по водѣ, точно его и не стыдили, точно въ комнатѣ говорили про кого-то другого. Часто думала его мать, слушая выговоры свекрови: «Нѣтъ, не стану я больше здѣсь жить, переѣду въ тотъ городъ, гдѣ сынъ учится, буду работать, буду его брать къ себѣ, не дозволю свекрови увозить его въ этотъ домъ. Можетъ-быть, онъ у меня и поумнѣетъ. Ему ласка нужна». И сладка была ей эта дума, а черезъ минуту она разсуждала: «Вотъ и я не умнѣе своего сына, и я такая же глупая! Развѣ я могу наработать настолько, чтобы платить за него въ гимназію? Развѣ я могу не умереть съ голоду, если жить трудомъ? И чему меня учили, что я знаю, кто

развились мои силы? Нѣтъ у меня силъ! Чѣмъ глупѣе мечты моего сына о жизни на пустомъ островѣ моихъ глупыхъ надеждъ?» Она хваталась за голову, проклинала свое воспитаніе, свои природныя силы, дворянское званіе, мѣшавшее идти въ горничныя, и въ одинъ изъ такихъ дней рѣшила: «А если я стану собою торговать?» и съ этою мыслью подошла къ зеркалу, но съ ужасомъ отскочила отъ него въ ту же минуту: ея лицо было сухо и желто, щеки ввалились, лобъ былъ покрытъ морщинистой кожей, вѣки у глазъ красны, волосы рѣдки... Она опустила руки и поникла головою, даже слезъ не нашлось у нея въ эту минуту... Потекла жизнь опять попрежнему, никто не зналъ и не думалъ о томъ, что за мысли огонькомъ вспыхнули, и какъ онѣ потухли въ ея головѣ. Такъ-то иногда человѣкъ перестрадаетъ въ душѣ за минуту то, чего не перестрадалъ онъ въ годы, а люди, видѣвшіе его передъ этой минутой и увидавшіе послѣ, даже и не подумаютъ, что передъ ними стоитъ новый, другой человѣкъ, что за минуту у него были и надежды, и возможность мечтать, планы разные строить, а теперь не оста-

валось ничего, кромѣ никому не нужной жизни, да такого безъисходнаго горя, что и до могилы не изжить его. Время шло своимъ чередомъ. Попробовала барыня испытать послѣднее средство образумить неразумнаго внука. Рѣшилась она не баловать его и не потакать его настойчивости!

— Покуда ты будешь дурить и прикидываться дуракомъ, я не возьму тебя домой, — сказала она ему, отпуская его осенью въ гимназію. — Такъ на свѣтѣ жить, какъ ты живешь, не приходится. Пора и за умъ взяться.

Уѣхалъ внукъ. Дорогой цѣной покупалъ онъ свое прилежаніе. Что иной ребенокъ въ десять минутъ выучить, то Паня едва въ часъ запомнить и то если уши руками заткнетъ и глазъ отъ книги не отрываетъ, иначе каждая драка ребятишекъ въ комнатѣ, каждый крикъ на улицѣ уносятъ за собою его мысли глупыя. Послѣ острастки стало ему еще труднѣе учиться. Съ самага пріѣзда въ гимназію началъ онъ задумываться о томъ, что его могутъ не взять домой на Рождество, и чѣмъ бы ума набратъся, сдѣлаться на людей похожимъ, сталъ онъ тосковать прежде времени. Ся-

детъ Паня урокъ учить, а самъ горюетъ, мысли далеко вихремъ несутся, черныя картины рисуютъ передъ нимъ, — наука-то въ голову и не идетъ. Глядишь, — учитель придетъ, спроситъ Паню урокъ, — Паня не знаетъ ни слова, ничего не приготовилъ, учитель его бранить, попрекаетъ, что онъ и можетъ учиться, да не учится. Пришло время отпусковъ, барыня запросъ сдѣлала, поумнѣлъ ли ея внукъ. Пишутъ ей, что не поумнѣлъ онъ и, къ тому же, еще лѣниться началъ. Велѣла она его оставить на праздники въ гимназіи. Когда ему сказали объ этомъ, такъ онъ, словно листь подъ осеннимъ вѣтромъ, задрожалъ, такъ что не думали, что онъ и на ногахъ устоитъ. Развѣхались дѣти по домамъ, опустѣли школьныя большія комнаты. Тихо въ нихъ, какъ въ могилѣ, сдѣлалось, только солдатъ-дядька гдѣ-нибудь всхрапываетъ, сидя на окнѣ въ коридорѣ, только водокачалка постукиваетъ, накачивая воду, да большіе стѣнные часы маятникомъ ровно выбиваютъ «такъ-такъ, тикъ-такъ», и кажется неразумному Панѣ, что они выговариваютъ: «Праздникъ близко! Праздникъ близко!» Настанетъ ве-

черь, на дворѣ вьюга шумить, въ трубахъ вѣтеръ воетъ, тьма на всемъ лежитъ страшная, и, точно въ подземельѣ, горитъ въ длинномъ коридорѣ одинокій ночникъ. Въ спальнѣ холодно, кровати пусты, не слышно веселыхъ дѣтскихъ голосовъ. Пришелъ канунъ Рождества. Засновали по улицамъ пѣшеходы, заскрипѣли по снѣгу сани и возы тяжелые. Люди провизію покупаютъ, мужикъ елки продаетъ, кругомъ собираются толпы оборванныхъ ребятишекъ и жадно они глазѣютъ на елки, постукивая леденѣющими ножонками, глядятъ, какъ господскіе слуги покупаютъ эти елки и тащатъ на плечахъ въ каменные дома на потѣху богатымъ, счастливымъ дѣтямъ. Одинъ мальчуганъ нашелъ вѣтку еловую, такъ и той обрадовался, домой побѣжалъ съ нею въ прискочку... Начало темнѣть; смотритъ неразумный Паня на улицу, точно къ мѣсту приросъ, тяжело ему, тошно. Невольныя слезы, что жемчугъ съ оборванной нитки, катятся, падаютъ одна за другою, — и вдругъ на другой сторонѣ улицы въ бѣдномъ, почернѣвшемъ и согнувшемся на бокъ домикѣ мѣдника засвѣтился, промельк-

нуль по комнатъ огонекъ, за нимъ другой-третій — и загорѣлась десятками огней рождественская елка, забѣгали, засновали вокругъ нея грязныя дѣти мѣдника и, кажется, черезъ улицу слышно было, какъ они радостно хлопають въ ладоши, глядя на золоченые орѣхи, да на затѣйливыхъ пряничныхъ лошадокъ и пѣтушковъ... Въ школьномъ коридорѣ раздался глухой, костяной стукъ... Вскочилъ дремавшій сторожъ, глядитъ: на полу лежитъ безъ дыханья неразумный Паня и каплетъ изъ-подъ его рассыпавшихся волосъ алая кровь. Сбѣжалась прислуга, директоръ пришелъ, который только-что хотѣлъ позвать Паню къ себѣ на елку, подняли бѣднаго, понесли въ лазаретъ. Чего-чего ни дѣлали съ нимъ, чтобы привести его въ чувство. Только къ вечеру другого дня очнулся онъ и сталъ бредить, горячка у него сдѣлалась. Дали знать бабкѣ и матери. Приѣхала мать (она, было, пѣшкомъ уйти хотѣла къ нему), не узнаетъ ее сынъ, бредить. Дни и ночи она надъ нимъ сидѣла, все нѣтъ ему облегченья. Прошла почти недѣля. Новый годъ наступаетъ. Вотъ накануне Новаго года сидитъ надъ нимъ мать,

прислушивается къ его дыханью и видитъ, что онъ открылъ глаза, и ясны они, какъ Божій день.

— Легче ли тебѣ, Паня? — спрашиваетъ она.

— Легко! — говоритъ онъ, глядя на нее блестящими глазами. — Богиня опять приходила ко мнѣ... Давно она не приходила!..

Мать заплакала.

— Не плачь! слышишь, богиня опять приходила ко мнѣ. «Не плачь, — сказала она, — я съ тобою! И матери скажи, чтобы она не плакала: я съ тобою! Я прокляла твою бабуку, она одна будетъ, — я ее прокляла. А тебѣ приготовила елку, и матери твоей приготовила елку, — а ее я прокляла». Слышишь ли ты? — крикнулъ онъ могучимъ и яснымъ голосомъ, вскакивая съ кровати, и, вытянувшись во весь ростъ, протянулъ руки, сверкая глазами. — «Я ее прокляла, и будетъ она проклята!..»

Мать подбѣжала къ нему и, какъ малаго ребенка, взяла его на руки и уложила въ постель.

— Успокойся, Паня! — говорила она. —

Успокойся! спи, голубчикъ мой, дитя мое, тебѣ легче будетъ, ненаглядной мой, милый! Спи, твоя мама съ тобою, не отойдетъ она отъ тебя...

А Паня и точно уснулъ, тихо уснулъ, навѣкъ уснулъ! И когда пробился въ окно утренній, бѣловатый свѣтъ, то лицо Пани было такое прекрасное, спокойное, улыбающееся, чистое, точно и для него насталь Новый годъ, съ новою жизнью. Не вѣрила мать, что этотъ красавецъ съ густыми кудрями уже не человекъ, но ея сынъ, а мертвое тѣло, кусокъ земли... Богато хоронила его барыня, много пѣвчихъ, монаховъ и священниковъ пригласила она на отпѣваніе. Раздала денегъ на поминавленіе его души, памятникъ мраморный поставила надъ его могилой, лампаду неугасимую затеплила, а мать купила вѣнокъ изъ цвѣтовъ и положила на краю сыновней могилы; не было у нея денегъ для другого украшенія этой могилы...

— Что же вы здѣсь, что ли, остаться хотите? — спросила барыня, когда прошелъ двадцатый день. — Пора и домой ѣхать.

— Да я и собираюсь ѣхать, — отвѣтила

невѣстка:- мнѣ мои родители вчера на дорогу прислали, я попутчиковъ жду.

— И со мной можете доѣхать, въ тарантасѣ за двоихъ мѣста хватить.

— Намъ не по пути. Я въ Москву ѣду, къ своимъ, — отвѣтила невѣстка.

— Вотъ глупости! Имъ и самимъ плохо жить. Что вамъ нужду-то терпѣть? Можете жить со мною.

— Мнѣ не хочется стѣснять васъ...

— Что за стѣсненіе!

— Нѣтъ, вамъ спокойнѣе быть одной.

— Ну, вотъ еще выдумали, обѣимъ мѣста будетъ! — сказала барыня; она привыкла къ невѣсткѣ, хоть та и была слабая и неумѣлая.

— Нѣтъ, я уже рѣшилась. Вы привыкли жить однѣ, вамъ надо жить однѣмъ.

— Ну, какъ хотите, была бы честь предложена! Проживу и одна, — молвила барыня, и странное дѣло! — ей какъ-то непріятно было выговорить это слово: «проживу и одна!» Всю дорогу думала она: «да развѣ я одна живу? Вонъ у меня и Глашка живетъ, и Матюшка живетъ, и Оля, да мало ли кто у меня живетъ, такъ что же это я говорю, что я одна живу?..»

И все-таки ей казалось, что она одна жить, даже сердилась она на себя, точно пророчество неразумнаго внука совершилось надъ ней и помутило ея умъ сильный.

Пошли дни за днями. Барыня принялась попрежнему хозяйничать, попрежнему холсты считать, оброки собирать, больныхъ лѣчить, молебны служить, почетомъ пользоваться, и говорили про нее во всемъ городишкѣ: «добродѣтельная, счастливая женщина!» Только послѣ смерти внука старая барыня не любила оставаться безъ людей, и хотъ странницу какую-нибудь, а ужъ позоветъ въ себѣ ночевать и толкуетъ съ нею до тѣхъ поръ, пока у самой глаза не отяжелѣютъ, пока сонъ не склонитъ, а чуть проснется — и будить гостью, чтобы слышать челоуѣческой голось, чтобы чувствовать, что около нея есть люди...

— Тяжело жить одной, — говорила она иногда.

— Э, матушка, — отвѣчали ей: — да когда же это вы однѣ-то остаетесь? всегда у васъ кто-нибудь есть, домъ вашъ — чаша полная, находить въ немъ пріютъ и званый, и незваный.

Когда же вы однѣ-то остаетесь?

— А все же... — вздумаетъ возразить барыня и, махнувъ рукою, умолкнетъ, потому что и въ самомъ дѣлѣ: когда же она одна остается?..

1886